

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА ПАМФЛЕТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

**Александра Владимировна Богомолова¹,
Вера Евгеньевна Горшкова²**

^{1,2} Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
Для контактов: bogomolova_av96@mail.ru; gorchkova_v@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления дискурсивной личности автора памфлета и способы их передачи при переводе с французского языка на русский на материале произведений Ж.-Л. Меланшона « Le hareng de Bismark » и Р. Дюма и Ж. Вержеса « Sarkozy sous VNL ». Предлагается модель комплексного анализа дискурсивной личности автора в культурологическом, коммуникативно-прагматическом и стилистическом аспектах. На основе модели выводятся особенности авторского идиостиля, требующие непреложного сохранения при переводе для обеспечения адекватного коммуникативного эффекта на языке перевода. Учитывая, что в терминах коммуникативно-функционального подхода по В.В. Сдобникову памфлет относится к коммуникативной ситуации (КСП-2_{trans}), при которой инициатором перевода выступает сам переводчик, стремящийся познакомить реципиентов с творчеством авторов, анализируются проблема влияния языковой личности переводчика на передачу авторских особенностей оригинала, изначально обращённого к внутреннему читателю, и вопрос преодоления такого влияния. Делается вывод, что для адекватной передачи особенностей дискурсивной личности автора наиболее приемлемыми представляются приёмы компенсации и адаптации, а также переводческий комментарий.

Ключевые слова: дискурсивная личность, памфлет, авторский идиостиль, KSP-2_{trans}, языковая личность переводчика

Для цитирования: Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 108–128. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

Статья поступила в редакцию 09.12.2022;
одобрена после рецензирования 01.02.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

DISCURSIVE PERSONALITY OF THE AUTHOR OF A PAMPHLET FROM A TRANSLATION PERSPECTIVE

Alexandra V. Bogomolova¹,
Vera Ye. Gorshkova²

^{1,2} Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

*For contacts: bogomolova_av96@mail.ru; gorshkova_v@mail.ru

Abstract. The article considers the features of the manifestation of the discursive personality of the author of a pamphlet and the ways of their transmission when translating from French into Russian on the basis of the works “Le hareng de Bismark” by J.-L. Melanchon and “Sarkozy sous BHL” by R. Dumas and J. Verges. A model of complex analysis of the author’s discursive personality in cultural, communicative, pragmatic, and stylistic aspects is proposed. Based on the model, the features of the author’s idiosyncrasy are derived, which require immutable preservation during translation to ensure an adequate communicative effect on the target language. In terms of the communicative-functional approach according to V.V. Sdobnikov, the pamphlet refers to a communicative situation (KSP-2_{trans}), in which the translator himself is the initiator of the translation, seeking to acquaint recipients with the work of the authors. The paper analyzes the problem of the translator’s linguistic personality influence on the transmission of the author’s features of the original text, initially addressed to the inner reader, and the question of overcoming such an influence. It has been demonstrated that for the adequate transmission of the features of the author’s discursive personality, the most acceptable methods are compensation, adaptation and translation commentary.

Key words: discursive personality, pamphlet, author idiosyncrasy, KSP-2_{trans}, translator’s linguistic personality

For citation: *Bogomolova A.V., Gorshkova V.Ye.* (2022). Discursive personality of a pamphlet author from a translation perspective. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 4 .P. 108–128. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

The article was submitted December 09, 2022;
approved after reviewing February 01, 2023;
accepted for publication February 15, 2023

В эпоху антропоцентрической направленности лингвистических исследований большое внимание уделяется «человеку говорящему» и роли человека в языке, что непосредственно связано с речевыми компетенциями языковой личности (в терминах К.Ф. Седова (Седов, 2016), поскольку «языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» (Богин, 1980: 3). Наш интерес к данному вопросу объясняется именно тем, что языковая личность «может с языком делать», в частности, как этот фактор проявляется в произведениях с ярко выраженным авторским «Я», к каковым мы относим памфлет, какие задачи должен поставить перед собой переводчик и какие переводческие решения будут способствовать их решению.

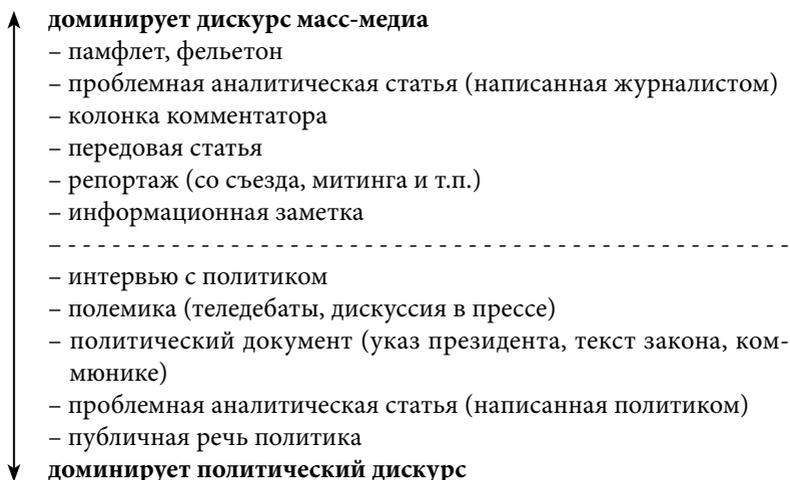
Выбор памфлета в качестве объекта исследования обусловлен, в первую очередь, его высокой общественной значимостью: в тексте автор бичует пороки общества, открыто высмеивает и критикует власть. Исторически сложилось так, что памфлет выступает «рупором» общественного мнения и действенным способом влияния на власть. Как отмечает Л.Г. Кайда, «памфлет — это тяжёлая артиллерия публицистики, которая используется, чтобы «волновать и возмущать души» читателей, никого не оставляя равнодушным в решении поднятых проблем» (Кайда, 2017: 97).

Памфлет как разновидность художественно-публицистического жанра представляет собой сатирическое произведение, «нацеленное на осмеяние определённых человеческих пороков и уничтожение качеств портретируемого героя, который казался автору носителем какого-либо общественного зла» (Пастухов, 2009). Соответственно, каждый памфлетист из всего множества стилистических и художественных средств выбирает свои, подходящие для изобличения зла. В целом автор через памфлет показывает негативную оценку действительности, однако он не может её из-

менить, и лишь предоставляет читателям все необходимые материалы, чтобы они смогли «вынести вердикт» и попытаться изменить реальность.

Основными жанрообразующими признаками памфлета полагаются саркастическое обличение с элементами инвективы и полемическое противостояние разных точек зрения. Полемичность может проявляться двумя способами: памфлетист либо опровергает и критикует определённую точку зрения, либо вступает в диалог с собеседником. При этом такой диалог ведётся и с читателем, что помогает последнему сформировать собственное мнение о той или иной проблеме (Тепляшина, 2000). Полемичность памфлета способствует всестороннему представлению рассматриваемой проблемы: автор не только высказывает собственное субъективное мнение, сопровождая изложение ироническими комментариями, но и анализирует ситуацию с разных сторон, стараясь прийти к некому консенсусу. Тем не менее, памфлет остаётся субъективным произведением, который не следует использовать как достоверный источник информации.

Для памфлета характерен личностный характер коммуникации, агрессивность, а также присутствие эксплицитной и имплицитной оценки, в большинстве случаев негативной (Богомолова, Горшкова, 2019). С точки зрения дискурсивной лингвистики, памфлет находится на пересечении политического дискурса и дискурса масс-медиа, но всё же с преобладанием последнего. Данный факт подтверждается схемой соотношения дискурсов, предложенной Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000: 38).

Важную роль в памфлете играет голос автора, а именно «авторский подтекст», который К. Станиславский определял как «явную, внутренне ощущаемую «жизнь человеческого духа» роли, которая непрерывно течёт под словами текста, всё время оправдывая и оживляя их» (Цит. по: Кайда, 2017: 54). Авторский подтекст позволяет читателю находить скрытые смыслы, то, что не заметно с первого взгляда, то, к чему необходимо будет вернуться несколько раз, прежде чем разгадать посыл автора. Диалог с читателем очень важен, поскольку именно таким образом автор добивается поставленной цели — убедить читателя и заставить его поверить в интерпретацию приводимых автором фактов.

При написании памфлета автор стремится «выплеснуть» на бумаге весь свой внутренний мир, поделиться с читателями самыми сокровенными мыслями. Он осмеливается взять в руку «перо» и описать всё, что он думает о той или иной ситуации, не опасаясь последствий, ему важно раскрыть глаза читателя на неидеальную реальность. Свою речь он «украшает» оценочными выражениями, саркастическими и ироническими высказываниями, сравнениями и т.д.

Сказанное отражает идиостиль автора как языковой личности, каждую грань которого важно сохранить и передать при переводе. Под идиостилем традиционно понимают индивидуальные особенности мировоззрения автора и способы организации текста и диалога с читателем; идиостиль проявляется также в форме языковой репрезентации информации и в способности приобщить адресата к авторской трактовке излагаемого (Болотнова, 2008: 37–38).

В данном исследовании мы оперируем двумя понятиями при характеристике авторов памфлетов — языковая и дискурсивная личность, поскольку исследователи не могут прийти к единому мнению в отношении этого вопроса: можно ли их считать равнозначными или же следует их дифференцировать?

Актуальному представлению языковой личности мы обязаны Ю.Н. Караулову, который рассматривает данное явление с точки зрения психолингвистики, понимая под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» (Караулов, 2010: 35). В.И. Карасик определяет языковую личность как «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (Карасик, 2004: 22).

Дискурсивный подход к изучению языковой личности позволяет проводить анализ по многочисленным факторам (менталь-

ным, психологическим или прагматическим), что, в свою очередь, приводит к выявлению этических, профессиональных, возрастных и гендерных признаков дискурсивной личности (Синельникова, 2011). По мнению Л.Н. Синельниковой, не каждый человек, владеющий иностранным языком, может стать дискурсивной личностью, т.е. личностью, проявляющей культурологические компетенции и демонстрирующей знания социокультурных, этнокультурных и этнопсихологических условий взаимодействия с людьми. При этом исследователь отмечает, что «человек, уже занявший позицию в языковом пространстве, начинает производить имеющие смысл сообщения — дискурсы — и создавать из них своё дискурсивное пространство» (Там же: 458).

Следует отметить, что наряду с приведёнными выше понятиями, часто употребляют понятие «коммуникативная личность». С.Н. Плотникова считает, что между данными тремя понятиями существует разница, которую необходимо уточнять. Под языковой личностью исследователь понимает человека, владеющего естественным языком и создающего языковое пространство вокруг себя на основе того языка, которым он владеет. Языковая личность становится коммуникативной, вступая в процесс коммуникации с другим человеком или другими людьми; каждая языковая личность выступает в роли адресанта или адресата и обменивается сообщениями либо при физическом, либо при удалённом контакте. Дискурсивная личность — это языковая личность, которая порождает некий дискурс — «возобновляемое или законченное, фрагментарное или цельное, устное или письменное сообщение». Такая личность порождает сообщение и несёт ответственность за его содержание (Плотникова, 2008).

Если рассматривать эти три понятия — языковая, коммуникативная и дискурсивная личности, то можно сказать, что языковая личность одновременно представляет собой коммуникативную и дискурсивную. Однако, между ними всё же существуют некоторые различия. Из имеющихся типов личности любому человеку намного легче стать дискурсивной, при условии, что он обладает способностью порождать смыслы. Во время создания сообщения дискурсивная личность может оценить ситуацию и определить, для какого именно адресата производится сообщение, именно таким образом дискурсивная личность становится коммуникативной. Однако переход от одной личности к другой происходит не сразу; чтобы дискурсивная личность стала коммуникативной, порождаемый ею дискурс должен быть востребованным, т.е. люди должны впустить его в пределы определённого коммуникативного

пространства, а коммуникативная личность должна начать жить собственной жизнью среди людей этого пространства и занять в нём свою нишу (Там же).

Считаем необходимым отметить, что аналогичной точки зрения придерживается Л.Н. Синельникова, подчёркивающая в своём исследовании, что «языковая личность в интеракционном контексте и есть дискурсивная личность, которая формируется на пересечении коммуникативных и когнитивных факторов», а «язык в дискурсе действует как когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность» (Синельникова, 2011: 456–457).

В свете вышеизложенного полагаем возможным предположить, что термин «языковая личность» может выступать гиперонимом по отношению к термину «дискурсивная личность», что также подтверждается в исследовании Е.Р. Корниенко, которая отмечает,

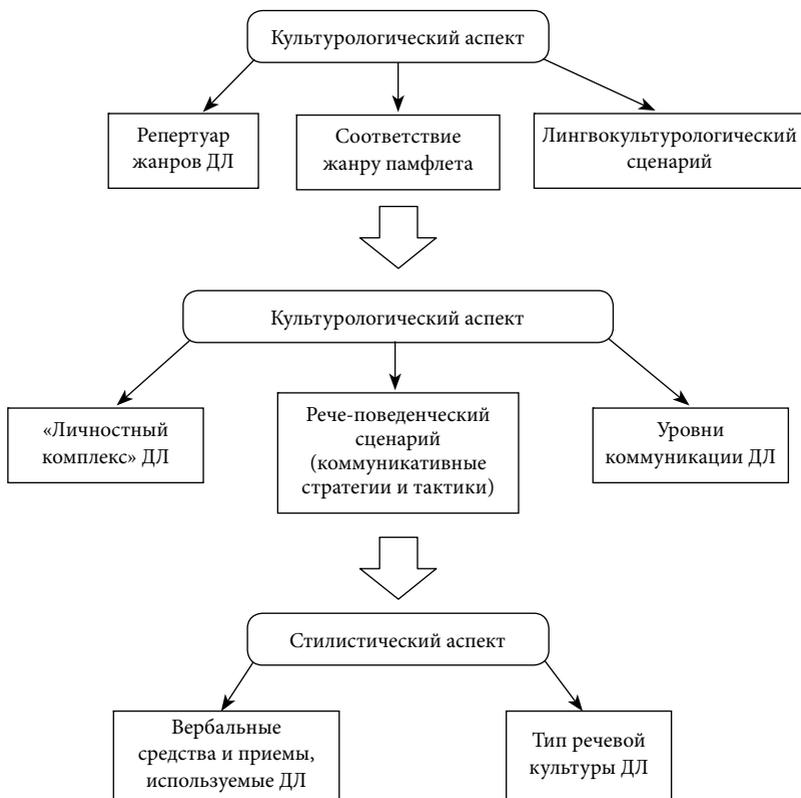

Рис. 1. Модель описания дискурсивной личности (ДЛ) памфлета

что «любая языковая личность по своей природе является дискурсивной» (Корниенко, 2019: 266). Именно поэтому в рамках нашего исследования мы будем использовать эти два термина как взаимозаменяемые.

Несмотря на всё многообразие типологий языковой личности, каждая из которых описывает личность под определённым углом зрения, Л.В. Уховой всё же удалось вывести модель описания языковой личности, которую мы возьмём за основу наших рассуждений. Данная модель охватывает три аспекта: стилистический, коммуникативный и лингвокультурологический (Ухова, 2016: 69). Отталкиваясь от данной модели, предлагаем следующую модель исследования дискурсивной личности автора памфлета (рис. 1). На первом этапе мы рассматриваем дискурсивную личность с культурологической точки зрения как представителя определённой культуры и выявляем предпосылки к написанию памфлета.

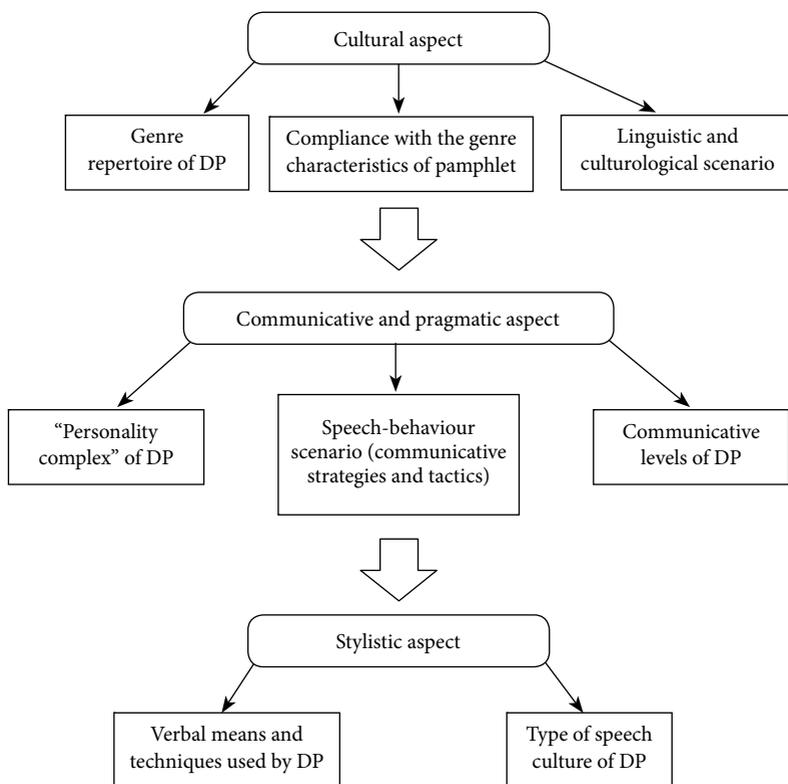

Fig. 1. Model for describing the discursive personality (DP) of a pamphlet author

На следующем этапе — коммуникативно-прагматическом — описываем автора как личность, а также определяем, какие коммуникативные стратегии и тактики он использует. На заключительном этапе — какие именно вербальные средства использует автор как дискурсивная личность в рамках избранных стратегий.

Автором первого памфлета « Le hareng de Bismarck » является известный французский политик левого толка и журналист Жан-Люк Меланшон, сильная и противоречивая личность, отличающаяся от других современных политиков талантом подбирать нужные и правильные выражения, не оставляя никого равнодушным. Ж.-Л. Меланшон был депутатом Европейского парламента и несколько раз участвовал в президентских выборах. В настоящее время Ж.-Л. Меланшон избран депутатом Национального Собрания Франции. Он по сей день активно высказывает недовольство действующей властью, а его политические эссе по-прежнему привлекают внимание французов, поскольку в них всегда поднимаются актуальные и злободневные вопросы.

Памфлет « Le hareng de Bismarck » — это настоящий крик души автора. Меланшон вскрывает суть отношений двух значимых держав Европы — Франции и Германии. Перед ним стоит важная задача — открыть глаза французского народа на состояние отношений между двумя странами, показать читателю несостоятельность политики и экономики Германии, которую слепо копируют власти Франции, и убедить французов в том, что такой путь развития не подходит их государству.

Для достижения коммуникативной цели — уличения несостоятельности германской политической системы — автор использует следующие коммуникативные тактики: тактику обвинения и тактику побуждения.

Применяя тактику обвинения, Ж.-Л. Меланшон анализирует практически каждую сферу жизни и находит слабые стороны политической системы. Так, при описании демографической ситуации в Германии автор памфлета обвиняет власти в «депортации» пожилого населения в дома престарелых или в близлежащие страны, где рабочая сила стоит дешевле, чем в Германии, чтобы найти там дешёвый обслуживающий персонал для стариков. Всё это делается с целью уменьшения затрат на содержание пожилого населения:

- (1) *Le déclin démographique et le vieillissement de la population coûteront d'abord très cher à l'Allemagne elle-même <...> Certaines familles allemandes embauchent donc à bas coût des personnes venues d'Europe de l'Est pour s'occuper de leurs anciens. Mais d'autres vont plus loin. Leur*

solution? Exporter les vieux dans des pays où la main-d'œuvre pour s'en occuper coûte moins cher! (p. 61–62).

Используя тактику побуждения, Ж.-Л. Меланшон иронически обращается к согражданам, призывая их, на первый взгляд, к негативным действиям, а на самом деле, стараясь раскрыть суть проблемы и её актуальное состояние. Анализируя проблему питания и влияния немецкой модели развития на пищевую промышленность, автор приводит статистику, показывающую, что большой процент населения Германии страдает от ожирения из-за недолжного качества продуктов питания. В конце раздела «*Hard discount et malbouffe*» Ж.-Л. Меланшон призывает французов «поднажать», ведь Германия их уже обогнала. На самом же деле автор показывает, к чему может привести пренебрежение качеством продуктов и поддержка политики дискаунтеров:

- (2) *Que cela n'empêche pas nos déclinistes de faire leur office! Horreur, la France est à la traîne de l'Allemagne avec seulement 15% de personnes malades d'obésité! Allez, encore un effort pour faire aussi bien que le modèle! « Mangez mal »!* (p. 44).

Следуя типологии языковой личности В.И. Карасика (Карасик, 2004), мы с полным основанием относим Ж.-Л. Меланшона к эгоцентрической личности, отличающейся высокой экспрессивностью выражений. На наш взгляд, если выйти за рамки исключительно стилистического критерия, его можно рассматривать как эгоцентрическую личность также потому, что он излагает собственные точки зрения и видения ситуации.

Для достижения необходимого коммуникативного эффекта Ж.-Л. Меланшон прибегает к использованию авторских метафор. Ярким примером служит сравнение немецкой модели развития с ядом (*le poison allemand*), заполняющим и губящим всё, чего касается, ядом, поражающим каждую сферу жизни страны. Циничная и агрессивная — вот какой видит Ж.-Л. Меланшон политическую систему Германии:

- (3) *Le « poison allemand » passe par l'air et la nourriture avec la même bonne conscience, et la même agressivité quand on lui résiste, que le reste des trouvailles de ce « modèle » morbide* (p. 24).
- (4) *Vouloir imiter la façon de faire allemande, c'est donc se frapper soi-même. L'étendre à tous, c'est étendre les ravages du poison allemand* (p. 78).
- (5) *Ce poison allemand est l'opium des riches. Pour eux, si un tel paradis de discipline et de silence sur un tel océan de misère, d'exploitation et d'asservissement peut exister, alors tous leurs espoirs sont permis* (p. 18).

Помимо лексических средств, Ж.-Л. Меланшон не скупится и на синтаксические средства: на протяжении всего памфлета мы выявили порядка 100 риторических восклицаний и вопросов. В конце каждого раздела политик обращается к своему читателю, призывает к действиям, задаёт вопросы, на которые нет ответа:

- (6) *Que de bonheur en vue: tous ces avions à charger jusqu'à la gueule de "made in Germany"!* (p. 29)
- (7) *Crèvent l'air et tout ce qui y vit! Les avions doivent passer. Que se poussent les oiseaux qui encombrant le ciel sans rien faire d'utile pour le PIB! Mettez plutôt vos masques à gaz! Ça tombe bien : ils sont eux aussi "made in Germany"!* (p. 29)

Перед читателем зримо предстаёт образ Ж.-Л. Меланшона, выступающего с трибуны, не стесняющегося и не опасющегося высказывать своё недовольство властью, политикой, сложившейся ситуацией. Он призывает каждого гражданина Франции не бояться говорить то, что они думают, помогать своей стране измениться в лучшую сторону, задуматься о будущем. Он — глас народа. Он — его рупор. Он тот, кто движет народ к правде, тот, кто призывает сбросить пелену с глаз и увидеть настоящую реальность. Соответственно, при переводе его произведений важно соблюдать динамику текста и не упустить малейшего посыла, скрытого в его выражениях.

Второй памфлет «*Sarkozy sous VNL*» опубликован в 2011 году и принадлежит двум известным французским адвокатам Ролану Дюма и Жаку Вержесу, каждый из которых оставил яркий след в истории Франции. В данном исследовании мы будем рассматривать их как единую дискурсивную личность, поскольку нам не представляется возможным определить, какие именно фрагменты были написаны каждым автором.

Жак Вержес — один из известнейших французских адвокатов и крайне противоречивый юрист. Во всём мире он известен как «Адвокат дьявола», поскольку в списке его клиентов числятся самые одиозные террористы XX века, нацисты, серийные убийцы, диктаторы (Johannès, 2013).

Ролан Дюма — также в прошлом известный французский адвокат. После победы Франсуа Миттерана на президентских выборах 1981 года Р. Дюма выполнял секретные миссии по поручению президента Франции, в частности, связанные с Муамаром Каддафи. В течение 10 лет Р. Дюма возглавлял дипломатическую службу Франции, за исключением периода «сосуществования» (от франц. *cohabitation*) Ф. Миттерана и Ж. Ширака. Он был другом и при-

верженцем Ф. Миттерана, отличным адвокатом и прекрасным дипломатом. 70 лет посвятил политической карьере, 10 из которых — дипломатии.

Памфлет « Sarkozy sous BHL » — это не что иное, как обращение к бывшему президенту Франции Николя Саркози. Авторы слишком недовольны политикой президента Франции на Ближнем Востоке, они устали от постоянной лжи и сокрытия фактов, к тому же они уверены в сильном влиянии на Н. Саркози скандально известного журналиста Бернара-Анри Леви. Р. Дюма и Ж. Вержес объединяются, чтобы добиться правды от бывшего президента Франции, вызвать его на диалог и призвать к ответу.

Для достижения коммуникативной цели авторы используют тактику очернения и тактику обвинения. Обвинение Н. Саркози во всех грехах проходит лейтмотивом через весь памфлет. Авторы презирают бывшего президента, нет ни одной черты, которая бы привлекала их. Они раскрывают его карты, рассказывают о том, что тщательно скрывалось ангажированными журналистами на протяжении многих лет.

Р. Дюма и Ж. Вержес обвиняют Н. Саркози во вмешательстве в войну в Ливии в 2011 году, в избыточном присутствии эпатажного журналиста Б.-А. Леви в политике Франции. В число «грехов» Н. Саркози входит любовь к деньгам, готовность пойти на всё ради получения материальной выгоды. Помимо этого, они высказывают презрение к качеству речи бывшего президента и его отношению к французскому языку и культуре страны.

- (8) *Le régime libyen n'ayant pas de « légitimité démocratique », il n'est pas question de lui accorder un droit à sa défense, de respecter la loi internationale, encore moins de lui manifester de la solidarité, même si le peuple français, l'été 2011, était majoritairement hostile à la guerre en Libye (p. 17).*
- (9) *Ce n'est pas l'amour du genre humain qui vous fait courir, c'est la braise, le flouze, l'oseille, la thune, comme on disait à la Cour des miracles (p. 21).*
- (10) *Vous détestez la culture française et ne voyez pas pourquoi les futurs énarques devraient lire La Princesse de Clèves, alors que lire de chefs-d'œuvre de notre littérature est un plaisir. C'est même, selon Valéry Larbaud, un vice impuni, mais vous ne savez sans doute qui est Valéry Larbaud (p. 12).*

Тактику очернения Р. Дюма и Ж. Вержес применяют, когда хотят показать истинное лицо Н. Саркози и его помощника Б.-А. Леви. Так, например, чтобы показать, насколько слабым политиком был Н. Саркози, авторы сравнивают его с Аттилой, подчёркивая при

этом, что Н. Саркози ещё далеко до него, он — лишь жалкая копия великого гунна:

- (11) *Vous êtes la caricature de ce roi barbare qui répandit la guerre dans tout le monde d'alors, de la Caspienne à Paris où sainte Geneviève contribua à le repousser. Vous êtes la réincarnation en format réduit d'Attila le fléau de Dieu, vous êtes Attila le Petit* (p. 13).

Полагаем возможным рассматривать языковую личность Р. Дюма и Ж. Вержеса как относящуюся к социоцентрической языковой личности, поскольку они стремятся встать с представителями социума «на одну ногу». В отличие от Ж.-Л. Меланшона, который «расцветчивает» свой текст образными выражениями, Р. Дюма и Ж. Вержес предпочитают использовать арготическую и разговорную лексику, свойственную Н. Саркози, поскольку, как известно, последний не пренебрегает употреблением подобной лексики в речи, что «сближает» его с народом:

- (12) *Être « protecteur », voilà un beau métier comme procho...* (p. 24).
(13) *Et puisque cet enturbanné ne comprend pas, il faut, comme dans le milieu, tuer le mec qui n'est pas réglo, tuer Kadhafi, et comme dans le milieu aussi, si on ne peut l'atteindre, punir sa famille* (p. 53).

При чтении памфлета Р. Дюма и Ж. Вержеса читатель чувствует резко отрицательное отношение авторов к Н. Саркози, эксплицитное обличение каждого его действия. Ощущение упрёка не иссякает и к концу памфлета, оно только усиливается. При переводе такого памфлета важно сохранить динамику нарастания обвинений для сохранения коммуникативного эффекта, чтобы русскоязычный читатель смог уловить настроение авторов, их эмоции и чувства.

В терминах коммуникативно-функционального подхода по В.В. Сдобникову, памфлет относится к коммуникативной ситуации (КСП-2_{trans}), при которой инициатором перевода выступает сам переводчик, стремящийся познакомить реципиентов с творчеством авторов (Сдобников, 2015). В связи с этим может возникнуть сложность сохранения особенностей дискурсивной личности автора под влиянием языковой личности переводчика, который «индивидуально, только в силу своего собственного, одному ему присущего мировосприятия, расшифровывает то, что увидел, осмыслил, прочувствовал и затем описал как автор оригинального текста» (Гарбовский, 2016: 414). Дискурсивная личность автора проявляется в многочисленных стилистических особенностях текста, которые переводчику необходимо адекватно передать на переводящем языке. Переводчик как представитель той или иной

культуры порождает гармоничный текст с сохранением всех исходных смыслов.

Поскольку памфлет — это текст, внутренне обращённый к «своему» читателю, мы вправе предположить, что переводчик как представитель «третьей» культуры может испытать своего рода «опосредованный культурный шок». Во-первых, он не сможет абстрагироваться от событий, описываемых в памфлете, и невольно станет анализировать эти события в приложении к своей стране и своим соотечественникам. Во-вторых, переводчик невольно будет проявлять эмпатию и некое сочувствие к участникам коммуникации, что связано в первую очередь с когнитивным багажом переводчика (Горшкова, Запруто, 2017). Именно поэтому, вслед за Л.К. Латышевым, мы полагаем, что каждый переводчик анализирует содержание того или иного произведения в соответствии со своими базовыми ценностями, которые в той или иной степени могут отличаться от ценностей той лингвокультуры, на языке которой было создано оригинальное произведение (Латышев, Тимко, 2012: 45).

В нашем понимании переводчику следует внимательным образом проанализировать исходный текст, чтобы выявить все скрытые и явные смыслы. При этом он не должен «расшифровывать» реципиенту абсолютно все «загадки» оригинала, поскольку реципиент должен воспринимать текст перевода так же, как если бы читал оригинал. Однако то, что, возможно, понятно реципиенту оригинала, но может быть неизвестно представителю другой культуры, следует объяснить, не нарушая целостность текста и его коммуникативную цель.

Приступая к переводу памфлетов, мы учитывали, что произведения изначально обращены к французскому читателю с целью демонстрации реальной действительности, которая его окружает. Поэтому перед нами стояла задача эксплицировать содержание произведений для потенциального читателя (в нашем случае — это среднестатистический российский читатель), вероятно, незнакомого с некоторыми реалиями, постараться максимально отразить коммуникативное намерение автора, особенности его дискурсивной личности, а также тональности произведения. Если при переводе упустить эти моменты из виду, то велика вероятность, что ожидаемый автором эффект не будет воспроизведён до конца и успешная коммуникация не состоится.

В ходе сопоставительного анализа собственного перевода и исходного текста мы выяснили, что основными приёмами перевода стали экспликация, адаптация, компенсация, использование переводческого комментария. Рассмотрим некоторые примеры.

Представленный ниже пример взят из памфлета Р. Дюма и Ж. Вержеса «*Sarkozy sous VNL*». В данном фрагменте основную трудность вызывает сравнение Б.-А. Леви, верного «вассала» Н. Саркози, с Лоуренсом Аравийским, ставшим верным другом арабов. Личность офицера британской армии Томаса Лоуренса практически не известна российскому читателю, соответственно, такое сравнение может остаться незамеченным и не произведёт необходимого прагматического эффекта. Дело в том, что Т. Лоуренс во время Первой мировой войны по поручению Британского правительства служил на Ближнем Востоке. В результате, за оказанную помощь он стал именоваться Лоуренсом Аравийским, которого арабы воспринимали как настоящего друга.

Полагаем, читатель может уловить некую связь между добавлением к фамилии Б.-А. Леви определения «Аравийский» и агрессивной внешней политикой в Ливии, но основной посыл останется непонятым. Чтобы компенсировать реакцию реципиента, мы приняли решение эксплицировать роль данной личности, путём уточнения её места в истории. Также мы добавили сноску с объяснением роли Т. Лоуренса в соответствующих исторических событиях:

Et quand vous tentez de donner le change, vous en devenez ridicule. De Gaulle aimait s'entretenir avec Malraux, un écrivain à sa hauteur. Vous croyez l'imiter en vous montrant avec M. Lévy, un mythomane qui se prend pour Lawrence d'Arabie... Lévy d'Arabie, il y a de quoi rire! (p. 13).

И когда Вы пытаетесь ввести всех в заблуждение, Вы выглядите нелепо. Де Голль любил беседовать с Мальро, писателем, достойным его величины. Вы пытаетесь подражать ему, появляясь с г-м Леви, выдумщиком, который представляет себя Лоуренсом Аравийским¹, верным другом арабов... Леви Аравийский, смешно!

¹ Томас Лоуренс (1888–1935) — британский офицер, названный «Лоуренсом Аравийским» за помощь в победе Арабского ополчения.

В следующем примере, взятом из этого же памфлета, фигурирует важная отсылка на неподобающее поведение президента — “*rauvre son*”. Цитируемое словосочетание неслучайно взято в кавычки, поскольку именно так назвал Н. Саркози одного из своих сограждан на Сельскохозяйственной выставке в 2008 году. Пробираясь сквозь толпу французов, бывший президент великодушно пожимал всем руки и широко улыбался. Но незнакомый мужчина отдернул руку со словами: «*Ah non, touche-moi pas! Tu me salis*» (Эй, не трогай

меня! Ты мне неприятен!). В ответ президент Франции произнёс фразу, вскоре разлетевшуюся по всему миру: « *Eh ben casse-toi alors, pauv' con!* » (Ну и проваливай, тупая скотина!).

Короткое 15-секундное видео в считанные часы распространяется в сети, все пользователи интернета начинают осуждать Н. Саркози за такой недопустимый поступок, а фраза становится крылатым выражением. Её употребляют в названиях многочисленных блогов на просторах социальной сети Facebook, она становится источником всевозможных шуток, используется в песнях, политических слоганах, и даже как название настольной игры о выборах. Эта реплика бывшего Президента Франции произвела настоящий фурор в Европе, а авторитетная французская газета *Le Monde* даже опубликовала статью, где приводились различные варианты переводов данной реплики.

Вышесказанное свидетельствует о том, что дословный перевод данной реплики оставил бы адресата в неведении того, что стоит за этими двумя словами. К тому же, на протяжении памфлета авторы несколько раз возвращают внимание читателей к этой аллюзии. В данном случае было бы неуместно вставлять переводческий комментарий в виде сноски, поскольку это нарушило бы ритм произведения, к тому же такая объёмная информация не поместилась бы в сноске. Поэтому, чтобы привлечь внимание потенциально-го русскоязычного адресата и компенсировать реакцию франкоязычного читателя, мы разъясняем, при каких обстоятельствах была произнесена данная фраза. Тем самым, мы показываем, что за высказанным эксплицитно скрыто нечто большее, что может позволить адресату задаться вопросом и, возможно, постараться найти ответ:

Les rois et les présidents aimaient la langue française. Ils en faisaient un usage magnifique. Il suffit de lire les Bulletins de la Grande Armée ou l'Appel du 18 juin. Vous haïssez la langue française, vous lui préférez l'argot et le verlan, oubliant que le chef de l'Etat, en France, ne s'adressent pas à un Français quel qu'il soit en l'appelant « pauvre con » (p. 12).

Короли и президенты любили французский язык. Они виртуозно им владели. Достаточно прочитать «Бюллетень Великой Армии» или «Речь 18 июня». Вы же терпеть не можете французский язык, Вы предпочитаете арго и верлан (молодёжный сленг), забывая о том, что глава государства, во Франции, не может обращаться к какому бы то ни было французу, называя его «тупой скотиной», как Вы это сделали на Сельскохозяйственной выставке.

В следующем примере речь идёт о роли министра иностранных дел Франции при Н. Саркози. Авторы лишней раз указывают на огромное влияние, оказываемое на президента Б.-А. Леви, и заявляют о том, что роль министра иностранных дел в ведении дел лишь формальна, поскольку, как известно, Н. Саркози принимал решение о введении войск в Ливию без ведома Алена Жюппе, занимавшего должность министра иностранных дел.

В данном примере авторы сравнивают А. Жюппе с ярмарочным шутом, с фриком, над которым все посмеиваются. Помимо этого, они обыгрывают образное выражение « *avalier les coulevres* », которое имеет значение « *supporter des affronts, des avanies, sans pouvoir se plaindre* » (Когут, 2014: 10), т.е. беспрекословно принимать все обиды и неудачи. Чтобы сохранить некую образность ярмарки, мы вводим образ шпагоглотателя, который, как известно, часто был членом бродячей цирковой труппы:

C'est lui le vrai responsable de votre politique qui sera, hélas! pour quelques mois encore, celle de la France, réduisant le ministre des Affaires étrangères à un rôle de phénomène de foire, avaleur de coulevres, mais il l'accepte, tant pis pour lui (р. 13).

Это он — главный виновник Вашей внешней политики, которая, увы!, ещё несколько месяцев будет политикой Франции, где роль министра иностранных дел сведена к роли ярмарочного шута, который, подобно шпагоглотателю, проглатывает все обиды, но его это устраивает. И поделом ему.

Автор второго памфлета Ж.-Л. Меланшон, желая показать читателю безразличие Ангелы Меркель к экологической ситуации в Европе, использует выражение « *s'en battre les couettes* ». Данное выражение является эвфемизмом к известному среди французской молодёжи выражению *s'en battre les couilles*, выражающему безразличие и наплевательское отношение говорящего (Linternaute). Эвфемизм строится на созвучие двух слов — *couettes* и *couilles*, благодаря чему читатель с лёгкостью распознает вульгарное выражение.

При переводе мы прибегаем к использованию приёма адаптации и компенсации и, проанализировав различные эквиваленты французского выражения, останавливаемся на общенном выражении, имеющем схожее значение в русском языке (Словарь современной лексики..., 2014). При эвфемизации мы опускаем часть выражения, содержащую грубое слово, а глагол «*класть*» заключаем в кавычки. Благодаря этому русскоязычный читатель с лёгкостью догадается, о каком грубом выражении здесь идёт речь, и сохранится коммуникативный эффект. Однако при этом мы потеряем игру слов, присутствующую в оригинале:

Les experts du GIEC peuvent toujours montrer l'urgence croissante de réduire les émissions pour sauver la vie humaine sur la planète, madame Merkel s'en bat les couettes! (p. 26).

Эксперты МГЭИК всё ещё способны доказать возрастающую необходимость сокращения выбросов в атмосферу ради сохранения людских жизней на планете, но госпожа Меркель «класть» на всё это хотела!

Проведённое исследование показывает, что при переводе памфлета важно обращать внимание на проявление дискурсивной личности автора, поскольку данный фактор способствует более точному определению коммуникативного задания исходного текста, выявлению предпосылок создания памфлета, пониманию отношения автора к описываемым лицам и событиям, что способствует принятию адекватных переводческих решений, направленных на сохранение коммуникативного эффекта, т.е. прагматического потенциала текста.

Список литературы

Богин Г.И. Современная лингводидактика: учеб. пособие. Калининград: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.

Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивные характеристики памфлета (переводческий аспект) // Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация», Н.-Новгород: НГЛУ, 2019. Вып. 22. С. 25–34.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.

Гарбовский Н.К. О переводе. М.: ФОРУМ, 2016. 752 с.

Горшкова В.Е., Запруто А.В. «Сельдь Бисмарка» Ж.-Л. Меланшона в контексте полилога культур // Межд. науч.-практ. конф. «Романистика в эпоху полилингвизма» (19–21 октября 2017 г.), М.: МГЛУ, 2017. С. 135–143.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2017. 144 с.

Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. М.: ФЛИНТА, 2017. 208 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Козут В.И. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises: Словарь идиоматических выражений французского языка. СПб.: Антология, 2014. 208 с.

Корниенко Е.Р. Дискурс как продукт речемыслительной деятельности языковой личности // Байкальский гуманитарный журнал, 2019. Т. 8. № 2. С. 264–267.

Латышев Л.К., Тимко Н.В. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2013. № 2. С. 44–49.

Пастухов А.Г. Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // Жанры речи: Сб. ст. Жанр и язык (Электронный ресурс), 2009. Режим доступа: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>

Плотникова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология», 2008. № 1. С. 131–136.

Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 462 с.

Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия дискурсивной личности // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. № 2. Ч. 1. С. 454–463.

Словарь современной лексики, жаргона и сленга (Электронный ресурс), 2014. Режим доступа: <https://argo.academic.ru/>

Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 95 с.

Ухова Л.В. Модель описания языковой личности медиаперсоны // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики», 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 65–71.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 326 с.

Johannès F. Mort de Jacques Vergès, avocat brillant, redouté et parfois haï // Le Monde (Электронный ресурс), 2013. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2013/08/15/l-avocat-jacques-verges-est-mort_3462241_3382.html

Linternaute: Dictionnaire français (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/>

References

Bogin G.I. (1980) *Sovremennaya lingvodidaktika: Ucheb. Posobie = Modern Linguodidactics*. Kaliningrad: Kalinin. gos. un-t. 61 p. (In Russian).

Bogomolova A.V., Gorshkova V.E. (2019) *Diskursivnye kharakteristiki pamfleta (perevodcheskii aspekt) = Discursive Characteristics of Pamphlet (Translational Aspect)*. Sb. nauch. trudov. Seriya “Yazyk. Kul’tura. Kommunikatsiya”. N.-Novgorod: NGLU. Issue 22, pp. 25–34 (In Russian).

Bolotnova N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar’-tezaurus = Communicative Text Style: Dictionary-Thesaurus*. Tomsk: Izd-vo TGPU. 384 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2016) *O perevode = About translation*. Moscow: FORUM. 752 p.

Gorshkova V.E., Zapruto A.V. (2017) “Sel’d’ BismarkA” ZH.-L. Melanshona v kontekste poliloga kul’tur = “Bismarck’s herring” J.-L. Melanchon in the Context of the Polylogue of Cultures). *Mezhd. nauch.-prakt. konf. “Romanistika v ehpokhu polilingvizma”* (19–21 October 2017 g.), pp. 135–143 (In Russian).

Johannès F. (2013) Mort de Jacques Vergès, avocat brillant, redouté et parfois haï (Electronic version). *Le Monde*, URL: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2013/08/15/l-avocat-jacques-verges-est-mort_3462241_3382.html

Kaida L.G. (2017) *Kompozitsionnaya poehtika publitsistiki: Ucheb. posobie = Compositional Poetics of Journalism*. Moscow: FLINTA. 144 p. (In Russian).

Kaida L.G. (2017) *Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii — k dekodirovaniyu = Text Style: From Composition Theory to Decoding*. Moscow: FLINTA. 208 p. (In Russian).

Karasik V.I. (2004) *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnozis. 390 p. (In Russian).

Karaulov Yu.N. (2010) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p. (In Russian).

Kogut V.I. (2014) *Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises: Slovar' idiomaticheskikh vyrazhenii frantsuzskogo yazyka = French Idiomatic Dictionary*. St. Petersburg: Antologiya. 208 p. (In Russian).

Kornienko E.R. (2019) *Diskurs kak produkt rechemyslitel'noi deyatelnosti yazykovoï lichnosti = Discourse as a Product of Speech-Cognitive Activity of a Linguistic Personality*. *Baikal'skii gumanitarnyi zhurnal*. Vol. 8. No. 2, pp. 264–267 (In Russian).

Latyshev L.K., Timko N.V. (2013) *Otrazhenie tsennoy ameriĳanskoi lingvokul'tury v khudozhestvennom tekste pri perevode na russkii yazyk = Reflection of the American Linguistic Culture Values in a Literary Text Translated into Russian*. *Vestnik MĴOU. "Seriya Lingvistika"*, No. 2, pp. 44–49. (In Russian).

Linternaute: Dictionnaire français (Electronic version). URL: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/>

Pastukhov A.G. (2009) *Politicheskii pamflet: (ne)umirayushchii zhanr? = Political Pamphlet: (not) a Dying Genre?* (Electronic version). *Zhanry rechi: Sb. st. Zhanr i yazyk*. URL: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6> (In Russian).

Plotnikova S.N. (2008) *Yazykovoe, diskursivnoe i kommunikativnoe prostranstvo = Linguistic, Discursive and Communicative Space*. *Vestnik IGLU. Seriya "Filologiya"*. No. 1, pp. 131–136. (In Russian).

Sdobnikov V.V. (2015) *Perevod i kommunikativnaya situatsiya: Monografiya (Translation and Communicative Situation)*. Moscow: FLINTA: Nauka. 462 p. (In Russian).

Sedov K.F. (2016) *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika = General and anthropocentric linguistics*. Moscow: Izdatel'skii Dom YASK. 440 p. (In Russian).

Sheigal E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse*. *dis... d-ra filol. nauk: 10.02.01*. Volgograd. 326 p. (In Russian).

Sinel'nikova L.N. (2011) *O nauchnoi legitimnosti ponyatiya diskursivnoi lichnosti = On the Scientific Legitimacy of the Discursive Personality Concept*. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*. No. 2. Part 1, pp. 454–463 (In Russian).

Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga (2014) = Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang. (Electronic version). URL: <https://argo.academic.ru/> (In Russian).

Teplyashina A.N. (2000) Satiricheskie zhanry sovremennoi publitsistiki = Satirical Genres of Modern Journalism. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta. 95 p. (In Russian).

Ukhova L.V. (2016) Model' opisaniya yazykovoi lichnosti mediapersony = Model for Describing the Linguistic Personality of a Media Person. *Setevoi zhurnal «Nauchnyi rezul'tat». Seriya "Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki"*. Vol. 2. No. 1 (7), pp. 65–71 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Богомолова Александра Владимировна — преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет. 664003, Сибирский федеральный округ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; bogomolova_av96@mail.ru

Горшкова Вера Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет. 664003, Сибирский федеральный округ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; gorchkova_v@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexandra V. Bogomolova — Lecturer at the Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University. 1, Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Siberian Federal District, Russia; bogomolova_av96@mail.ru

Vera Ye. Gorshkova — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University. 1, Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Siberian Federal District, Russia; gorchkova_v@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.